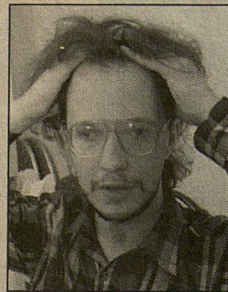

Денис МАЦУЕВ:

Мне важно овладеть публикой с первых тактов и довести ее до экстаза

Беседовал
Александр
Славуцкий

История Дениса Мацуева чем-то напоминает сказку. Всего за несколько лет обычный иркутский мальчик стал мировой звездой в фортепианной музыке. Он победил на самых престижных международных конкурсах, в том числе на Конкурсе им. П.И. Чайковского, сыграл в главных концертных залах всех стран и континентов от Ла Скала до Карнеги-холла. И это в 28 лет. Слава обрушилась на Дениса, не дав опомниться. Его именем названа звезда в созвездии Лиры.

Наша беседа началась с того, что Денис внимательно осмотрел мой диктофон и, слегка прищурившись, произнес:

— Вроде пока работает. Ведь со мной все диктофоны ломаются. Я не шучу. Вот уже раза три-четыре подряд во время интервью что-то непонятное с журналистскими магнитофончиками происходило и они переставали работать.

— Наверное, у вас особая энергетика.

— Не знаю, хотя вполне может быть.

— А вы никогда не пытались выяснить: не обладаете ли каким-либо особым биоэнергетиком?

— Нет, с экстрасенсами общаться мне не доводилось. Но я сам лечу людей на своих концертах. Это было уже несколько раз в России, а также в Японии и Франции. Когда после выступления ко мне подходили слушатели и говорили: спасибо, вы нас вылечили. Просто удивительные вещи на ваших концертах происходят. Конкретных диагнозов я не знаю, но думаю, что слово «вылечили» здесь не только метафора. О себе же скажу, что на каждом концерте работаю по-честному и посылаю со сцены положительную энергию.

— То есть выступаете в роли донора?

— Да, разумеется, но одновременно и вампира. Потому что зал мне тоже посылает свою энергию. И когда эти два потока сплетаются, происходят просто удивительные вещи.

— Во время концерта вы воспринимаете зал как единый организм, однородную биомассу или различаете отдельные лица?

— Отдельных лиц в зале я практически никогда не замечаю, он для меня существует как единая масса с определенным уровнем энергетикой. Как только выходишь на сцену, сразу же ощущаешь определенный поток эмоций, который зал тебе посылает. Мне как исполнителю важно овладеть публикой. Хочется захватить ее с первых тактов и довести до экстаза. До того ощущения, про которое я вам уже рассказывал. Но, конечно, это бывает не всегда так просто. Иногда начинаешь играть, а из зала идет такой унылый посыл: «Ну-ну, ага, понатяну, давай послушаем, что там еще сыграешь». Победа над такой аудиторией требует огромных энергетических затрат. В некотором смысле концерт напоминает поединок.

— А что испытывает музыкант, когда во время его вдохновенной игры вдруг раздается звонок мобильного?

— Раздражает страшно, это наш бич, с которым, к сожалению, никто ничего поделать не может. Ведь такое бывает и в БЗК, и в Карнеги-холле, и в Ла Скала. Хочется хлопнуть крышкой рояля и уйти со сцены, поэтому я всем назло начинаю играть интенсивней. Даже если в нотах написано «пиано», нажимаю на клавиши с двойным напором, чтобы никто не обращал на мобильник внимания и не оглядывался на телефонный звонок.

— Что происходит в вашей душе во время концерта?

— Я сам не совсем это понимаю, потому что, когда я захожу на сцену, сразу же становлюсь совершенно другим человеком. Находясь за кули-

сами, я, как все артисты, переживаю и нервничаю, но когда начинается концерт, волнение пропадает. Бог дал мне способность не волноваться на сцене — это, конечно, очень важно. И так у меня с детства, мне всегда нравилось выступать, причем значительно больше, чем заниматься. При выступлении очень важно ощущение куража. Пока оно есть, я буду выходить на сцену, а если пропадет, все остальное станет бессмысленным и бесполезным.

— А о чем вы думаете, играя?

— Прежде всего о том, как донести до людей основной образ произведения. Конечно, иногда бывает и такое, что я отрешаюсь от музыки и начинаю думать о чем-то постороннем, но это плохо.

— В 15 лет вы стали лауреатом премии Международного благотворительного фонда «Новые имена», еще школьником ездили с концертами по России и на гастроли за рубеж. Легко ли вы пережили переход из ребенка-вундеркинда в профессионального сформировавшегося музыканта, ведь все-таки общественное отношение к детям на сцене совершенно другое, чем к взрослым?

— В Иркутске, где жил до приезда в столицу, я действительно считался вундеркиндом, а в Москве меня так никто не позиционировал. Мое развитие идет по постепенно возрастающей кривой, и меня это вполне устраивает, потому что у 80 процентов всех вундеркиндов примерно одинаковая судьба — они прекращают играть гениально в 20–21 год. Я же этого перехода из одного качества в другое просто не заметил. В 1998 году, когда мне было 22 года, получил Первую премию на Конкурсе Чайковского. После чего все в моей жизни повернулось на 180 градусов. Я благодарен судьбе за то, что она дала мне шанс завоевать свое место на мировой сцене, и я им сумел воспользоваться. Это большая удача, потому что траге-

все-таки убедили, сказав: «Ты что, не понимаешь, что сможешь смотреть вживую игры своего любимого «Спартака»?». И во многом благодаря этому доводу я и согласился на поездку в Москву и первое время ходил на все спартаковские матчи. Вскоре попал в обойму музыкантов, поддерживаемых фондом «Новые имена». И по тем временам стал сравнительно обеспеченным человеком: ездил в ЦМШ на такси, обедал в «Праге». При этом вместе с родителями мы снимали квартиру на проспекте Жукова, а играл я на пианино «Гюмен» 1930 года выпуска. Вы бы видели этот ящик. Помню, телевизионщики, готовившие обо мне фильм, долго не могли поверить, что я выиграл конкурс, занимаясь на таком инструменте. Так что мне удалось здесь выступать, хотя Москва, как любой мегаполис,

имея сверхсложно, конкуренция тут просто огромная. Но все зависит от таланта музыканта, ну и, конечно, удачного стечения обстоятельств.

— Вы говорите такие слова, как «пробиться» и «конкуренция». А это уже напоминает механизмы шоу-бизнеса.

— Разумеется, и академическому искусству они тоже присущи. Конечно, здесь вернутся совсем другие деньги, и наша аудитория значительно отличается. Но способы продвижения артиста, его раскрутки и промоушинга и там, и здесь схожи. В особенности на Западе. Потому что у нас пока нет развитого менеджмента в области серьезного искусства. Тем более очень приятно сказать, что моя родная Московская филармония сейчас перешла на другой, более цивилизованный уровень общения с музыкантами.

— Каких просчетов не терпит мир классической музыки?

— Думаю, что любому человеку нужно всегда точно рассчитывать свои собственные силы. Главное — не переборщить ни с количеством выступлений, ни с их продолжительностью. Кстати, именно этот принцип я нередко нарушаю. К сожалению, не умею отказывать и выступаю сверх норм. Люблю всех — и тех, кто меня приглашает, и публику, которая меня слушает в любой стране мира. Плюс принципиально важно найти такого менеджера, который поверит в тебя и вложит всю свою душу. Сам по себе музыкант в мире шоу-бизнеса ничего не значит. Да и не должен значить. Поднимать его уровень в этом плане, если хочешь, раскручивать должны профессионалы. Именно так складывалась карьера Горовица, Рахманинова и других.

Добавьте к этому и достижения цивилизации. В XXI веке важным, например, оказывается и правильный выбор звукозаписывающей студии.

— Говоря про ваши отношения с музыкантами старшего поколения, не могу не спросить про дружбу с Эндрю Ллойдом Уэббером — автором знаменитых «Иисус Христос — суперзвезда», «Фантом оперы», «Кошки» и других рок-опер и мюзиклов с мировой сла-

вой. Говорят, что, когда в 1998 году вы победили на конкурсе Чайковского, одно из самых первых поздравлений из-за рубежа пришло именно от него.

— Это правда. Телеграмма от Эндрю была для меня очень приятным сюрпризом. Наша дружба началась благодаря «Новым именам». Через этот фонд он узнал о моем существовании и пригласил на свой фестиваль, проходивший под Лондоном, в потрясающем местечке. Где находится его собственный город, который практически полностью, вместе с изумительными полями, лугами был отдан под концертные площадки. Я сыграл сольный концерт, а на бис — собственную фантазию на темы его знаменитых опер. Уэбберу мое выступление очень понравилось, поэтому меня пригласили на этот фестиваль и на следующий год.

Что вообще-то противоречит его законам. Кроме того, я был первым классическим музыкантом, выступавшим на этом фестивале.

— А сейчас с Уэббером вы поддерживаете отношения?

— Да. Время от времени пересаживаемся, а когда бываю в Лондоне, всегда захожу к нему. Это замечательный человек с русской душой, большой поклонник Чайковского, Рахманинова, Скрябина.

— А для вас он еще ничего не написал?

— Давайте я не буду ничего об этом говорить, потому что некоторые планы на этот счет у него имеются, но пока они не осуществились.

— Наверное, он фантастически богат?

— Разумеется. Как вам кажется, наши музыканты такие деньги заработать могут?

— Никогда в жизни. Если взять отечественного композитора, который пишет симфонии, концерты или даже музыку к фильмам, естественно, таких денег он никогда не сможет заработать. Да и вообще, музыканты в России зарабатывают гораздо меньше, чем на Западе.

— А мысли свалить отсюда на Запад у вас никогда не было?

Один мой хороший приятель недавно играл в казино, естественно, не в рулетку, а на рояле. К этой ситуации, так же как и к музыкантам, играющим в подземных переходах, я отношусь с пониманием.

— Я могу хоть сейчас свалить отсюда. На протяжении этого десятилетия была масса подобных предложений. Меня постоянно спрашивают: «Что ты там делаешь? Ты с ума сошел?» Я же всегда говорю, что здесь находится мой дом, к которому я очень привязан. Вне своего дома я не могу долго находиться, мне становится очень плохо.

— Уедете на Запад и постройте там новый дом.

— Зачем это нужно? Я лучше построю себе новый дом на Байкале, в родном городе. Там совершенно потрясающее место, просто заряжающее меня энергией. Я не хочу никуда отсюда уезжать.

— А что для вас на концерте важнее — удовольствие от игры или деньги?

— Деньги, если честно, мне вообще не очень важны. И это не бравада. Квартира у меня есть, на то, чтобы сходить с друзьями в ресторан или съездить отдохнуть, денег мне хватает. Считаю, что музыкант должен получать за свою работу нормальные деньги, но не гонимся за какими-то фантастическими гонорарами. Между прочим, мне довольно часто предлагают за хорошие деньги играть на закрытых корпоративных вечеринках или днях рождения, но до этого я еще не докатился.

— И все-таки мне показалось, что этот жизненный цикл вы описали с грустью в голосе.

— Ну, какая грусть, что вы? Ведь это и есть тот самый момент счастья, о котором я много лет мечтал. Что же еще может быть лучше для концертирующего музыканта?

— И музыка возвращает вложенные в нее время и душу?

— Безусловно, то, что ты отдаешь, приходит к тебе на 200 процентов. Это и овации зала, и награды на конкурсах, и множество интересных людей, с которыми я познакомился, а также страны и города, в которых я побывал, и многое, многое другое.

— Говорят, что деньги и слава человека портят. Судя по всему, через первое испытание — деньги — вы прошли, а слава вас не испортила?

— Да черт его знает, самому себя оценивать очень сложно. Но все, что меня знает, считают, что я практически не изменился. При этом не скажу, чтобы я к своему успеху уже слишком серьезно относился. А слово «слава» меня до сих пор слегка удивляет. Конечно, приятно, когда ты становишься известным человеком, когда на тебя раскупаются билеты и на твоих концертах царят аншлаги.

Для артиста это настоящий допинг, способствующий прорыву к новым достижениям. Кроме того, все это имеет значение и с чисто прагматической точки зрения. Концертирующий пианист живет для того, чтобы у него было как можно больше концертов и приглашений. А без признания, известности и особого положения это просто невозможно.

— А вот в одном из интервью вы сказали, что ваша жизнь — это цикл: самолет, приземление, репетиция, запись, концерт и опять самолет, опять запись и так да-

Слова

Мария Бутырская, первая российская чемпионка мира по одиночному фигурному катанию, трехкратная чемпионка Европы. — Я, конечно, очень много слышала о Денисе, но на его концерте была только однажды. С первых же минут выступления артиста я поняла, что Мацуев — настоящий виртуоз. И слава пришла к нему благодаря тому, что для этого музыканта нет непосильных задач за роялем — он может все. Его уже сейчас называют звездой современного исполнительского искусства, а бы к слову «звезда» еще бы прибавила прилагательное — «восходящая». Я верю, что впереди у Дениса еще много побед, премий, наград и триумфов. Он еще очень многого достигнет.